

Поэт. Переводчик. Редактор

А ВТОРЫЙ ряд книг, получивших признание широких кругов Молдавии, под Андреем Лупаном известен за пределами своей республики только собратьям по перу. И вот пред нами впервые изданный в переводах на русский язык сборник избранных стихотворений А. Лупана. Несмотря на очевидную важность этого события в жизни поэта, мы не можем начать статью с поздравлений: переводы, сделанные москвичами (В. Бутаевский, В. Державин, М. Зенинцев), хороши как стихи, но далеки от своеобразного стиля Андрея Лупана, переводы же кишиневских поэтов (И. Ковалевский, К. Семеновский, Ю. Чернов и другие), исполненные в стиле подлинника, сплошь и рядом грешат по части русского языка — такие курьезы, как «благодарю во что бы то ни стало» или «всегда с головой непокрытой, босой», могут уничтожить любое хорошее стихотворение. К тому же, дело только в переводах...

В сборнике есть стихотворение (но называется, как и сам сборник, «Лицом к лицу»), данное в моем переводе. Перечитывая его, я вдруг споткнулся о строчку, напоминавшую щельканье: «блещут щеки», затем о другой, разрывавшей слух каким-то зудением: «засвисто забот». Я проверил строчки по рукописи: никаких «блещущих щек» и «зазвезд» там, конечно, не оказалось. Сверяя далее рукопись с текстом сборника, я обнаружил железнную руку таинственного соавтора, который решительно «навел порядок» моем переводе. Соавтор действовал по методу копирования авторской строки строкой перевода (метод, отвергнутый русскими поэтами еще со времен Жуковского и Пушкина). И было бы еще полбеды, если бы речь шла об узко понимаемой точности перевода, но железная рука прошла по самому замыслу автора. У Андрея Лупана изображен дремучий крестьянин старого, даже станичного склада. Двигаясь по своей пашне на волах, он впервые в жизни увидел работу трактора. Крестьянин потрясен. В его сознании, вполне реалистических ассоциаций, явление трактора не без юмора окружается бильярдными образами:

— Ну, что ж, — сказал Георгий. — Что ж!

Твой инструмент вполне хороши. Не зря он поднял столько грому: Ты — как пророк среди крестьян.

Это обращение Георгия к трактористу железная рука переписала так:

И вздохнул Георгий. — Что ж,

Инструмент вполне хороши.

Ты трудишься по-другому,

Прямо чудо-великан!

Переведя стихи из языка в хорей (по-видимому, хорей больше по вкусу моему соавтору), железная рука сделала все от нее зависящее, чтобы снизить уровень обобщения, перевести тему из философии в бытовщину и соскобить краску с образа Георгия. Вариант, напечатанный в сборнике, я отказываюсь признать своим, о чем и считаю нужным сообщить Молдавскому Госиздату.

Все высказывание нужно учтеть для того, чтобы не перекладывать на плечи Андрея Лупана вину за недостаточное стилическое изображение.

Андрей Лупан. «Лицом к лицу». Перевод с молдавского. Ред. К. Ковалевский. Кишинев. 1957. 183 стр.

Илья СЕЛЬЗИНСКИЙ

разные переводчики или чрезмерное старение правщиков. Что же настасяется читателя, то ему придется читать сборник, нередко прибегая к логике или интуиции. Сделав это вынужденное вступление, обратимся, наконец, к самому поэту.

В сборнике стихов Андрея Лупана отражен большой период его жизни — почти четверть века. В разных стихах, написанных юношеской 22—23 лет, угадывается влияние французской поэзии тех лет с типичным для нее отсутствием рифмы и «блестящими» разрывом. Этой моде подчинилась тогда почти вся литературная молодежь буржуазной Румынии. Отдал ей дань и Андрей Лупан. Однако в глубину своего сердца он эту моду не впустил. Думы Лупана, его образы принадлежат только ему. Ему и его классу. Стихи этого периода говорят о беспросветной жизни румынского пуга, о катархии его работе, о жалюзи итоге этой работы, о рабской психологии мужика, которого помещики подхлопывают по плечу за беспротивность и работоспособность. Но уже в этих стихах Лупан занимает позицию если еще не революционера, то во всяком случае бунтаря. Описывая горькую мукницу долю своих героев, он не только существует им, не только вглядывается в него, но и самому поэту: «засвисто забот». Я проверил строчки по рукописи: никаких «блещущих щек» и «зазвезд» там, конечно, не оказались. Сверяя далее рукопись с текстом сборника, я обнаружил железнную руку таинственного соавтора, который решительно «навел порядок» моем переводе. Соавтор действовал по методу копирования авторской строки строкой перевода (метод, отвергнутый русскими поэтами еще со времен Жуковского и Пушкина). И было бы еще полбеды, если бы речь шла об узко понимаемой точности перевода, но железная рука прошла по самому замыслу автора. У Андрея Лупана изображен дремучий крестьянин старого, даже станичного склада. Двигаясь по своей пашне на волах, он впервые в жизни увидел работу трактора. Крестьянин потрясен. В его сознании, вполне реалистических ассоциаций, явление трактора не без юмора окружается бильярдными образами:

Скорь мы встанем,
Ты слышишь, раб?
Скорь.

— Слава! Слава! — ***

Мы —
войско костялье,
без смисла,
стали к плечу плечом, как
врезанные.

Подымем единственный молот,
гигантский молот,
вот именно,
и разобьем оковы железные.

Перевод К. Семеновского

Оставим на совести переводчики что «вот именно». Мы прочли смелое, энергичное политическое выступление борца за народ и его свободу, документ не только и литературный, но и какой-то мере исторический, ибо он был создан в жандармской обстановке буржуазно-помешательного королевства. Любопытно, что в такого рода стихах Лупан все чаще переходит к итогам раннего Маяковского. Поэт не ограничивается только речами трибуны: его веют живые образы, образы современников. С наблюдательностью рисовальщика Лупан делает наброски, зарисовки, эскизы — то своего отца, покорного боязливого и барской воле крестянина, то матери некоего Иона, который ушел в город на зарплату и пропал без вести, то городского образования, укравшего в корчме кусок хлеба. Но особенно удался поэту портрет разбойника Кулая. Жандармы поставили Кулая перед лицом королевской Фемиды, но он не считает ее вправе вершить над ним суд:

Вот я, стою, не прячуся.
Знай:
я — Чунту Кулая,

законами и шпиками высажен,
каленым железом мечен,
захочу, отвечу тебе,
а нет, не отвечу.

Это — не лихость головореза, который дерзит оттого, что ему все равно терять нечего.

Эх ты, праведник
мудрый,
святой,
ангел божий,
судья толстогорий,
пес цепной...

Лучше пусты бы меня
на место твоё, Кайн,
что сидел я, колокольцем звена,
как хояин!

А сам пересел на мою
скамью,

что спросил я тебя, судью,
что ты есть таков,
чью сосесь кровь?

Перевод Г. Перова

Законами и шпиками высажен,
каленым железом мечен,
захочу, отвечу тебе,
а нет, не отвечу.

В разных стихах, написанных юношеской 22—23 лет, угадывается влияние французской поэзии тех лет с типичным для нее отсутствием рифмы и «блестящими» разрывом. Этой моде подчинилась тогда почти вся литературная молодежь буржуазной Румынии. Отдал ей дань и Андрей Лупан. Однако в глубину своего сердца он эту моду не впустил. Думы Лупана, его образы принадлежат только ему. Ему и его классу. Стихи этого периода говорят о беспросветной жизни румынского пуга, о катархии его работы, о жалюзи итоге этой работы, о рабской психологии мужика, которого помещики подхлопывают по плечу за беспротивность и работоспособность.

Приходу Красной Армии, освобождению трудового народа Бессарабии, борьбе с фашистским нацизмом, колхозному труду посвящены стихи сороковых годов. Здесь немало стихотворений, написанных на хорошем профессиональном уровне: «Возвращение домой», «Новая осень», «Переполох», «Гост», «Песня виноградарей», но в этих веяхах не чувствуется индивидуальность поэта. Это доброхотные слаженные строчки, приподнятые по тону, вполне искренние, но под ними мог бы податься любой хороший молдавский поэт. Автор явно не освоялся с могучим наплытом новых чувств, не сумел найти своих слов для выражения новых переживаний. Поэтому стихи сороковых годов оказались подчас слабее стихов, открывавших сборник.

Стихи, написанные после ХХ съезда, — это взлет члановской музы. Приняв партии к борьбе против культа личности и его последствий, исторические решения съезда отозвались в душе поэта прежде всего болостью его собственной работы в прошлом. Можно стать здесь на защиту Лупана против него же самого, потому что самокритика превратилась у него почти в самоказывание, но нельзя отрицать поэтической силы его стихов, посвященных этой боли. Глубоко примечательно стихотворение «Меа сира»:

Нет, я не сую на свой
На стих, медлительный и строгий.
Что он прихрамывал порой
По трудно выбранной дороге,

***

Я виноват в одном — что робость
Порой ломала мне строку,
Когда толкала низкопробность
К штампованию языку

Что примирил считал возможным
Свой долг подсказками невежд

А я молчал тогда привычно
По горькой собственной вине,
И критикставил мне «отлично»
При равнодушии ко мне.

Перевод К. Ковалевского

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебряный и чистый поэт. Жаль, что книга, напечатанная в Кишиневе, дает о нем поверхностное представление.

Андрей Лупан — серебря

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОРТРЕТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
стальной резец, готовясь настристи на кости первый штифт. На столе лежали набор резцов, несколько заготовок кости и окуляр, каким пользуются часовщики.

«По-видимому, это вся техника, с помощью которой мастер создает тональные произведения», — подумал я вслух выслушав эту чумедную догадку.

— Нет, увлечительные стекла для иероглифической резьбы не нужны, — возразил мастер. — У меня очень ослаблено зрение, стеклышками я пользовалась лишь для того, чтобы наложить на кости контуры рисунка, а затем склоняя за верхность его исполнения. Самую же резьбу мелких иероглифов мы делаем, так сказать, втесную, вот так...

Он положил перед собой заготовленный бруск, снял очки, закрыл глаза и мгновенно, почти неуловимыми движениями резца набросал что-то на кости.

— Вот теперь тут можно кое-что прочесть! — засмеявшись, сказал он, протягивая мне бруск.

На отполированной черной плоскости отчетливо проступали два столбика очень мелко вырезанных иероглифов. Переводчик Тан с помощью окуляра прочел и перевел мне написанное: «Мы рады встрече с советским человеком, приветствуем советских друзей!»

— Но как вы укладываете массу иероглифов в контуры рисунка? — полюбопытствовал я.

— Вот для этого только и нужно зрение... Сами же иероглифы я вырезаю, не видя того, что пишет рука, и представляю себе их только мысленно... Все дело в том, чтобы приучить руку автоматически выводить иероглифы.

— Как хотите, но я могу объяснить все это только особой природной одаренностью, какими-то особыми внутренними зренiem, присущим только вам, — сказал я, выражая свое восхищение.

— Конечно, из семени боба не вырастет лотос, — со скромным достоинством усмехнулся мастер и снова серьезно продолжал: — Но дело все-таки не в таланте. Всякий человек может, если захочет, научиться тому, что очень полюбил, чем сильно увлечен. Я с детства полюбил ремесло резьбы, которым занимались мои предки, с малых лет начал ему обучаться. Но еще более, по-жалуй, я обожаю... поэзии. Да, познаний, которой увлекся, едва научившись читать и писать. Вообще китайское изобразительное искусство с древности соединяет в себе живопись и поэзию. Почти каждый старинный живописец или резчик был и поэтом, и отличным каллиграфом. Да и сейчас мы, резчики, не можем обойтись без поэзии: без хорошего знания классических стихов не сумеешь сразу же разгадать, что усталый мальчик не редко не смыкает глаз до рассвета, шепча темноте свои стихи впереди себя.

— А все остальные портреты писал мой друг Ли. Это очень хорошие работы. Лучше, я думаю, никто из юаньянских резчиков, а может быть, и во всем Китае, не сделает. Он вам сам расскажет, как работал над портреями. У него есть свои, новые приемы, и его глазам еще долго не понадобятся ни очки, ни увлечительные стекла. Не так ли, мастер Ли? — ласково обратился Чэн к сидевшему в глубине комнаты за столиком резчику.

— Что вы, мастер Чэн, — ответил я, — я только учусь, переношу ваши опыты...

— Ну, мастер Ли, вы можете уже учить других. И у вас есть чем поделиться с советским товарищем, — наставительно проговорил Чэн Шоу-жен...

3. Если бы не проблески седины на висках, по юному, с глубокими, задумчивыми глазами лицу мастера Ли никак нельзя было дать его возраст.

Художественный и стройный, мастер Ли рядом с солидным Чэнем и морщинистым Чжоу выглядел совсем молодым.

Между тем за плечами Ли Чжуне более трех десятилетий работы резцом, огромная, многотрудная школа замечательных творческих постижений.

С юных лет Ли пытливо изучал доступные ему образцы классической китайской и европейской живописи и графики. Позднее, став уже искусственным резчиком, он, как это было не трудно, снова сделался учеником — теперь живописца Хун Инь-чена, большого знатока старинного китайского искусства. С европейской живописью он более глубоко познакомился в Юньнанском любительском обществе исследователей искусства, где проводил свое свободное время в течение многих лет. Здесь он получил первые, потрясшие его представления о русской живописи, впервые увидев, правда, немногие, рецензии с творений великих русских художников. Здесь же он впервые познакомился с работами мастера Чэнь Шоу-женя, который увидел в нем одаренного и горячего своего последователя. Ли очень быстро освоил мельчайшее каллиграфическое письмо «слепым» способом Чэня, а затем овладел искусством создавать на кости живые изображения из мельчайших знаков, по всем законам живописи, передавая света и тени, в чем ему помогло знание европейского искусства.

Будь это в старом частновладельческом обществе, искусство иероглифической живописи на кости, вероятно, так бы и осталось частным делом одиничек и, возможно, умерло бы вместе с ними, как это бывало с многими поколениями безымянных умельцев из народа. Но народная власть с первых же своих шагов проявляла заботу о народных талантах, о возрождении и развитии иконных народных ремесел. Известные юаньянские мастера-косторезы были приглашены объединиться в производственно-творческий кооператив. Это освободило их от единоличных забот о существовании и зависимости от частного рынка.

В кооперативе и родился замысел создать галерею портретов книг выдающихся людей современности. Народные власти поддержали этот замысел.

Мастер Ли Ичжун, которому кооператив поручил исполнение основной части почетного народного заказа, всем своим существом впитал в себя, в свою память и сердце, мысли и слова из произведений великих людей, которые предстояло перенести на маленьку пластинку из слоновой кости. Он начал с портрета Ленина. Каким-то особенно ясным и близким стал мастеру этот светильник, удивительно живой, человеческий образ, необычайно проникновенно и тепло звучали в памяти ленинские слова, многие из которых запоминались навсегда еще до того, как резец перенес их на кость. Они многое открыли мастеру Ли, многое помогли понять. Не раз задумывалась резчик над ленинскими словами. На всей земле коммунисты с беззаветной смелостью и неколебимой решимостью борются за свободу и счастье своих народов. Ленин говорит о русских коммунистах, о русской революции, а кажется, что это сказано только сегодня и о китайской революции: «Мы подняли этим нашу революцию на невиданную еще в мире высоту. Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионаам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возвратит назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания».

Три месяца почти неотрывно, невероятно тонкого и утонченного труда вложил мастер в свое чудесное творение. Двенадцать тысяч сто тридцать иероглифов, почти не видимых простому глазу, но точно и отчетливо передающих ленинские слова, запечатлены на слоновой кости бессмертный образ, дорогой и близкий каждому трудовому человеку на земле.

Между тем за плечами Ли Чжуне более трех десятилетий работы резцом, огромная, многотрудная школа замечательных творческих постижений.

С юных лет Ли пытливо изучал доступные ему образцы классической китайской и европейской живописи и графики. Позднее, став уже искусственным резчиком, он, как это было не трудно, снова сделался учеником — теперь живописца Хун Инь-чена, большого знатока старинного китайского искусства. С европейской живописью он более глубоко познакомился в Юньнанском любительском обществе исследователей искусства, где проводил свое свободное время в течение многих лет. Здесь он получил первые, потрясшие его представления о русской живописи, впервые увидев, правда, немногие, рецензии с творений великих русских художников. Здесь же он впервые познакомился с работами мастера Чэнь Шоу-женя, который увидел в нем одаренного и горячего своего последователя. Ли очень быстро освоил мельчайшее каллиграфическое письмо «слепым» способом Чэня, а затем овладел искусством создавать на кости живые изображения из мельчайших знаков, по всем законам живописи, передавая света и тени, в чем ему помогло знание европейского искусства.

Будь это в старом частновладельческом обществе, искусство иероглифической живописи на кости, вероятно, так бы и осталось частным делом одиничек и, возможно, умерло бы вместе с ними, как это бывало с многими поколениями безымянных умельцев из народа. Но народная власть с первых же своих шагов проявляла заботу о народных талантах, о возрождении и развитии иконных народных ремесел. Известные юаньянские мастера-косторезы были приглашены объединиться в производственно-творческий кооператив. Это освободило их от единоличных забот о существовании и зависимости от частного рынка.

В кооперативе и родился замысел создать галерею портретов книг выдающихся людей современности. Народные власти поддержали этот замысел.

Мастер Ли Ичжун, которому кооператив поручил исполнение основной части почетного народного заказа, всем своим существом впитал в себя, в свою память и сердце, мысли и слова из произведений великих людей, которые предстояло перенести на маленьку пластинку из слоновой кости. Он начал с портрета Ленина. Каким-то особенно ясным и близким стал мастеру этот светильник, удивительно живой, человеческий образ, необычайно проникновенно и тепло звучали в памяти ленинские слова, многие из которых запоминались навсегда еще до того, как резец перенес их на кость. Они многое открыли мастеру Ли, многое помогли понять. Не раз задумывалась резчик над ленинскими словами. На всей земле коммунисты с беззаветной смелостью и неколебимой решимостью борются за свободу и счастье своих народов. Ленин говорит о русских коммунистах, о русской революции, а кажется, что это сказано только сегодня и о китайской революции: «Мы подняли этим нашу революцию на невиданную еще в мире высоту. Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионаам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возвратит назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания».

Три месяца почти неотрывно, невероятно тонкого и утонченного труда вложил мастер в свое чудесное творение. Двенадцать тысяч сто тридцать иероглифов, почти не видимых простому глазу, но точно и отчетливо передающих ленинские слова, запечатлены на слоновой кости бессмертный образ, дорогой и близкий каждому трудовому человеку на земле.

Между тем за плечами Ли Чжуне более трех десятилетий работы резцом, огромная, многотрудная школа замечательных творческих постижений.

С юных лет Ли пытливо изучал доступные ему образцы классической китайской и европейской живописи и графики. Позднее, став уже искусственным резчиком, он, как это было не трудно, снова сделался учеником — теперь живописца Хун Инь-чена, большого знатока старинного китайского искусства. С европейской живописью он более глубоко познакомился в Юньнанском любительском обществе исследователей искусства, где проводил свое свободное время в течение многих лет. Здесь он получил первые, потрясшие его представления о русской живописи, впервые увидев, правда, немногие, рецензии с творений великих русских художников. Здесь же он впервые познакомился с работами мастера Чэнь Шоу-женя, который увидел в нем одаренного и горячего своего последователя. Ли очень быстро освоил мельчайшее каллиграфическое письмо «слепым» способом Чэня, а затем овладел искусством создавать на кости живые изображения из мельчайших знаков, по всем законам живописи, передавая света и тени, в чем ему помогло знание европейского искусства.

Будь это в старом частновладельческом обществе, искусство иероглифической живописи на кости, вероятно, так бы и осталось частным делом одиничек и, возможно, умерло бы вместе с ними, как это бывало с многими поколениями безымянных умельцев из народа. Но народная власть с первых же своих шагов проявляла заботу о народных талантах, о возрождении и развитии иконных народных ремесел. Известные юаньянские мастера-косторезы были приглашены объединиться в производственно-творческий кооператив. Это освободило их от единоличных забот о существовании и зависимости от частного рынка.

В кооперативе и родился замысел создать галерею портретов книг выдающихся людей современности. Народные власти поддержали этот замысел.

Мастер Ли Ичжун, которому кооператив поручил исполнение основной части почетного народного заказа, всем своим существом впитал в себя, в свою память и сердце, мысли и слова из произведений великих людей, которые предстояло перенести на маленьку пластинку из слоновой кости. Он начал с портрета Ленина. Каким-то особенно ясным и близким стал мастеру этот светильник, удивительно живой, человеческий образ, необычайно проникновенно и тепло звучали в памяти ленинские слова, многие из которых запоминались навсегда еще до того, как резец перенес их на кость. Они многое открыли мастеру Ли, многое помогли понять. Не раз задумывалась резчик над ленинскими словами. На всей земле коммунисты с беззаветной смелостью и неколебимой решимостью борются за свободу и счастье своих народов. Ленин говорит о русских коммунистах, о русской революции, а кажется, что это сказано только сегодня и о китайской революции: «Мы подняли этим нашу революцию на невиданную еще в мире высоту. Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионаам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возвратит назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания».

Три месяца почти неотрывно, невероятно тонкого и утонченного труда вложил мастер в свое чудесное творение. Двенадцать тысяч сто тридцать иероглифов, почти не видимых простому глазу, но точно и отчетливо передающих ленинские слова, запечатлены на слоновой кости бессмертный образ, дорогой и близкий каждому трудовому человеку на земле.

Между тем за плечами Ли Чжуне более трех десятилетий работы резцом, огромная, многотрудная школа замечательных творческих постижений.

С юных лет Ли пытливо изучал доступные ему образцы классической китайской и европейской живописи и графики. Позднее, став уже искусственным резчиком, он, как это было не трудно, снова сделался учеником — теперь живописца Хун Инь-чена, большого знатока старинного китайского искусства. С европейской живописью он более глубоко познакомился в Юньнанском любительском обществе исследователей искусства, где проводил свое свободное время в течение многих лет. Здесь он получил первые, потрясшие его представления о русской живописи, впервые увидев, правда, немногие, рецензии с творений великих русских художников. Здесь же он впервые познакомился с работами мастера Чэнь Шоу-женя, который увидел в нем одаренного и горячего своего последователя. Ли очень быстро освоил мельчайшее каллиграфическое письмо «слепым» способом Чэня, а затем овладел искусством создавать на кости живые изображения из мельчайших знаков, по всем законам живописи, передавая света и тени, в чем ему помогло знание европейского искусства.

Будь это в старом частновладельческом обществе, искусство иероглифической живописи на кости, вероятно, так бы и осталось частным делом одиничек и, возможно, умерло бы вместе с ними, как это бывало с многими поколениями безымянных умельцев из народа. Но народная власть с первых же своих шагов проявляла заботу о народных талантах, о возрождении и развитии иконных народных ремесел. Известные юаньянские мастера-косторезы были приглашены объединиться в производственно-творческий кооператив. Это освободило их от единоличных забот о существовании и зависимости от частного рынка.

В кооперативе и родился замысел создать галерею портретов книг выдающихся людей современности. Народные власти поддержали этот замысел.

Мастер Ли Ичжун, которому кооператив поручил исполнение основной части почетного народного заказа, всем своим существом впитал в себя, в свою память и сердце, мысли и слова из произведений великих людей, которые предстояло перенести на маленьку пластинку из слоновой кости. Он начал с портрета Ленина. Каким-то особенно ясным и близким стал мастеру этот светильник, удивительно живой, человеческий образ, необычайно проникновенно и тепло звучали в памяти ленинские слова, многие из которых запоминались навсегда еще до того, как резец перенес их на кость. Они многое открыли мастеру Ли, многое помогли понять. Не раз задумывалась резчик над ленинскими словами. На всей земле коммунисты с беззаветной смелостью и неколебимой решимостью борются за свободу и счастье своих народов. Ленин говорит о русских коммунистах, о русской революции, а кажется, что это сказано только сегодня и о китайской революции: «Мы подняли этим нашу революцию на невиданную еще в мире высоту. Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионаам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возвратит назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания».

Три месяца почти неотрывно, невероятно тонкого и утонченного труда вложил мастер в свое чудесное творение. Двенадцать тысяч сто тридцать иероглифов, почти не видимых простому глазу, но точно и отчетливо передающих ленинские слова, запечатлены на слоновой кости бессмертный образ, дорогой и близкий каждому трудовому человеку на земле.

Между тем за плечами Ли Чжуне более трех десятилетий работы резцом, огромная, многотрудная школа замечательных творческих постижений.

С юных лет Ли пытливо изучал доступные ему образцы классической китайской и европейской живописи и графики. Позднее, став уже искусственным резчиком, он, как это было не трудно, снова сделался учеником — теперь живописца Хун Инь-чена, большого знатока старинного китайского искусства. С европейской живописью он более глубоко познакомился в Юньнанском любительском обществе исследователей искусства, где проводил свое свободное время в течение многих лет. Здесь он получил первые, потрясшие его представления о русской живописи, впервые увидев, правда, немногие, рецензии с творений великих русских художников. Здесь же он впервые познакомился с работами мастера Чэнь Шоу-женя, который увидел в нем одаренного и горячего своего последователя. Ли очень быстро освоил мельчайшее каллиграфическое письмо «слепым» способом Чэня, а затем овладел искусством создавать на кости живые изображения из мельчайших знаков, по всем законам живописи, передавая света и тени, в чем ему помогло знание европейского искусства.

Будь это в старом частновладельческом обществе, искусство иероглифической живописи на кости, вероятно, так бы и осталось частным делом одиничек и, возможно, умерло бы вместе с ними, как это бывало с многими поколениями безымянных умельцев из народа. Но народная власть с первых же своих шагов проявляла заботу о народных талантах, о возрождении и развитии иконных народных ремесел. Изв